

▶ **ПРЕЗЕНТАЦИЯ** | Их сюда привели боль детства, память о молодости в «плёну на Родине» и почтение к родителям

МАКСИМ ЮЛИН

В День памяти жертв политических репрессий в центральной городской библиотеке имени Бориса Ручьёва прошла презентация четвёртого тома Книги памяти магнитогорского краеведа Геннадия Васильева.

На 654-х страницах Геннадий Александрович рассказал о многочисленных семьях, раскулаченных и выселенных на юг Челябинской области, и тех, кто попал в спецпоселения других районов. Материалом послужили сотни фотографий и исторических документов, воспоминания свидетелей «государственной чистки» первой половины прошлого века.

Книга рекомендована школьникам в качестве справочного пособия для исследовательской работы, но на презентации подростков не было. Большинство пришедших в библиотеку — люди пожилые. Их привело не праздное любопытство, а неугасающая боль детства и молодости в «плёну на родине» и почтение к родителям-спецпереселенцам.

Деда Тамары Кирилловой, служившего церковным старостой, посадили в тюрьму. Бабушка тоже не избежала этой участи. Старшего 18-летнего сына сослали на лесоразработки, а троих малолетних детей посадили в «теплушку» и отправили на Магнитострой.

— Дети строили город! — с влажными глазами, но улыбаясь, говорит пенсионерка. — И нам надо учиться у них, ведь, стиснув зубы, сжав кулаки и сами сжавшись в кулак, они не знали ни злобы, ни обиды.

Четыре тома репрессий

— Папа говорил, что кормили их только сухой и солёной рыбой, а воды не давали, и многие от этого гибли, — вспоминает пожилой мужчина, глядя куда-то вдаль. — Сначала отец год рубил лес, потом ещё девять лет выживал в спецпосёлке. Когда ему сказали, что обвинение было ошибочным и дали компенсацию 29 рублей, он просто сел и рыдал, рыдал, рыдал...

— Тридцать тысяч татар сослали на Магнитострой, — едва сдерживаясь, громко говорит председатель татарской автономии: в его взгляде гнев. — Этот город построен на костях...

— Два года назад выпустили учебник краеведения, — возмущается сын «врага народа». — Обещали вплотную заняться историей репрессий — и где всё? Ни слова не сказано! Почему об этом пишет только Васильев?

— В прошлом году в администрации презентовали фотокнигу по репрессиям, — говорит молодая девушка, «негармонирующая» с публикой. Спустила несколько минут после упоминания о таинственном фолианте она покинула зал.

— А где памятник репрессированным?! — не унимается мужчина, краснея и подавляя плач.

— Есть памятник первостроителям Магнитки. Все они были репрессированными, — грустно шутит Тамара Кириллова.

— Многие говорят, что их дети и внуки не хотят знать, что случилось с прадедами в те кровавые годы, — обратился к собравшимся автор Книги памяти. — Безучастность молодого поколения — наша общая беда. Книга издаётся малым тиражом и не пользуется спросом. Но уверен: придёт время, когда сегодняшние 20-летние станут стариками, и вот

тогда-то книгу будут искать! Мне частенько приходится слышать, что, мол, роюсь в чужом белье, публикую историю семей, которых «не затронуло горе, потому что всего-то деда расстреляли». Дескать, кроме репрессий, знать больше ничего не хочу. Пусть так, но это лучше, чем быть равнодушным. Действительно, то, о чём пишу, — вчерашний день, но кто может сказать наверняка, что история не повторится?

Презентация закончилась выступлением человека, который провёл молодость в ГУЛАГе. Он никак не мог выговориться, и публика начала потихоньку редеть — ведь горе, которое гнетёт его душу не один

ФОТО: ЕВГЕНИЙ РУХМЕЛЕВ

десяток лет, почти не отличается от их собственного. Ему пообещали, что о нём напишут в готовящемся пятом томе Книги памяти, где уже две тысячи фамилий раскулаченных. Правда, неизвестно, выйдет ли этот том. Геннадий Александрович говорит, что после первой книги ему три года пришлось компенсировать затраты на её печать. С четвёртым томом помогли замглавы городской

администрации Вадим Чуприн и ещё несколько меценатов, но, судя по тиражу и стоимости экземпляра, избежать убыточности не удастся. Васильеву нужен спонсор, которому по карману выкупить и распространить Книгу памяти по библиотекам. Думается, при таком раскладе, несмотря на старания автора и многих неравнодушных, решить эту проблему не получится ещё долго ☹

▶ **ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ** | Только через два десятилетия с советских немцев сняли подозрение в пособничестве врагу

Чужой среди своих

АЛЁНА ЮРЬЕВА

Буквально в одночасье эти люди стали чужими в родной стране, превратились в изгоев.

Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья уже накануне войны беспокоила руководство страны. Слишком сильные хозяйства, слишком высокие показатели по всем направлениям, слишком быстрый рост экономики: всё как-то «слишком». С одной стороны, хорошо — для иностранцев немецкая автономия была своего рода «витриной социализма», привлекатель-

ной, сытой, но без буржуазских излишеств. А вот то, что самостоятельность такую развели, — плохо.

С началом войны всё изменилось. Первые же крупные неудачи на фронте, приближение немцев к Волге, а также поступавшие в Москву донесения об антисоветских настроениях отдельных представителей немецкой автономии определили её судьбу. Советское руководство приняло решение о ликвидации республики и переселении её жителей в Новосибирскую и Омскую области, Алтайский край и Казахстан. В сопроводительных документах ука-

зывалось — «опасен по национальному признаку».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года был призван придать хоть сколько-нибудь законный характер беззаконной акции по выселению целого народа: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах Поволжья. В случае, если произойдут диверсионные акты и случится кровопролитие,

советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения. Во избежание таких нежелательных явлений Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить всё немецкое население в восточные районы страны».

Переселению подлежали все немцы без исключения. И сельчане, и горожане. И партийные, и комсомольцы. Руководство «спецоперацией» было возложено на НКВД. Депортация проводилась жёстко, но без физического насилия, поскольку ошеломлённый народ не оказывал сопротивления.

Дабы не сорвать уборочную кампанию и план хлебопоставок, гужевой транспорт решили задействовать минимально и перевозить людей по железной дороге. Магнитогорец Гарри Винс вспоминал, как его самого, его родных и ещё сотни других семей грузили в вагоны. Условий не было никаких. Голод, болезни, антисанитария. Люди умирали ежедневно.

Вот выдержка из письма заместителя начальника 12-го отделения ОК НКВД СССР Гусева от 31 августа 1941 года: «...Процесс эвакуации не продуман. В ряде районов допускается ненужная спешка. Эвакуированным, как правило, не говорится о том, куда они вывозятся, сколько будут времени в пути, какой запас нужно взять с собой продуктов питания. В результате через 2–3 дня

большинство эвакуированных из городской местности остаются без продуктов».

Как гласило постановление Совета Народных Комиссаров СССР, переселенцы могли пользоваться всеми правами граждан, с небольшими ограничениями. Эта обтекаемая формулировка «про ограничения», по сути, лишала немцев всех прав. Им запрещалось покидать пределы колхоза или совхоза без разрешения спецкомендатуры, они обязаны были в трёхдневный срок извещать власти о каких-либо изменениях в семье.

В 1942 году после приказа ГКО начался второй этап по дальнейшему переселению немецкого населения. И мужчины и женщины в возрасте от 16 до 55 лет через райвоенкоматы были мобилизованы в рабочие колонны, так называемую трудовую армию. С фронтов были отозваны более 33-х тысяч военнослужащих немецкой национальности. Они также пополнили ряды трудовой армии. Фактически трудовые лагеря входили в систему ГУЛАГа: территория охвачена колючей проволокой в четыре ряда, по углам — вышки с автоматчиками, внизу — охрана с собаками. Особый порядок выезда на работу и возвращения в лагерь. Под конвоем. «Я удивляюсь, как мы вообще смогли выжить! От истощения, от болезни часто не могли подняться, не то что работать. В этих лагерях очень много нас умирало. Жутко было», — рассказывал трудармеец Гарри Винс.

После победы трудармейцы

получили статус «спецпоселенцев». Ни о каком возвращении на прежнее место жительства не было и речи. Ещё через три года вышел новый указ правительства, в котором утверждалось, что переселение немцев в отдалённые местности СССР произведено навечно. Только после восстановления дипломатических отношений между Москвой и Берлином в декабре 1955 года Верховный Совет утвердил указ «О снятии правовых ограничений с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Была упразднена комендатура. Но запрет на возвращение в родные края оставался в силе.

В Магнитке к вопросам национальности относились не так строго. Может, время изменилось, а может, корни интернациональные сказались. Трудно сказать. Но именно здесь, в Магнитке, бывший трудармеец Гарри Винс почувствовал некоторую свободу, хотя об абсолютной говорить не приходилось ещё многие годы. У спецпоселенцев появился шанс устроиться на работу, завести семью и дать жене немецкую фамилию. А женщины-немки могли взять фамилию мужа.

Впрочем, бдительности органы не теряли. Только в 1964 году в закрытом указе Президиума Верховного Совета СССР все обвинения советских немцев в пособничестве врагу были признаны необоснованными. После этого запоздалого раскаяния началось восстановление гражданских прав, которое растянулось на долгие годы.